

УВАЖАЕМАЯ «Панорама»! В выпуске № 18 (377) от 7 сентября 1989 года была напечатана статья Е. Лыжиной «Лермонтовская» комната». До войны я жил в той квартире № 3 дома 12 по Мастерской улице, где была эта комната, моя мать, Александра Владимировна, — одна из живших там сестер Лермонтовых, о которой автор не упоминает. Статья Е. Лыжиной написана интересно, но нуждается в некоторых уточнениях.

Надежда Владимировна Лермонтова действительно жила в этой квартире, но умерла в 1921 году, а не в блокаду*. Она была художницей, ученицей Бакста. Несколько ее картин хранятся в Русском музее, а одна была недавно выставлена среди новых поступлений. Вместе с сестрами Екатериной и Александрой жили их брат Владимир и мать Екатерина Антоновна, урожденная Вендланд. Екатерина Владимировна** отказалась эвакуироваться, чтобы ухаживать за матерью, которая была больна и не вынесла бы переезда. Драгоценности в Фонд обороны сдавала моя мать, разумеется, от имени всех четверых Лермонтовых, о чем было сообщение в газете. Это произошло еще до голода.

Екатерина Владимировна жила не в «сказочной» комнате, которую видела Е. Лыжина, а в небольшой соседней, окно которой выходило на Мастерскую. В угловой комнате была не кафельная печь, а выкопанная круглая железная, никак не ввязавшаяся с общей обстановкой (ее поставили в 1929 году). Раньше в доме было центральное амосовское воздушное отопление с душниками во всех комнатах. В некоторых из них были и камин. Был камин и в той комнате, но в 1929 году вместо него сделали низенькую дверь, через которую Е. Лыжина и вошла в нее. Возможно, она приняла за кафельную печь остатки камина. Папки могли содержать рисунки Надежды Владимировны, часть из них — рукопись книги Екатерины Владимировны, подготовленной ею к печати перед самой войной. В предвоенную зиму

она неожиданно сказала мне: «Когда я кончу эту книгу, будет страшная война, и мы все погибнем». Из четверых Лермонтовых, живших в этой квартире, погибли трое. Рукопись Екатерины Владимировны была издана после войны ее друзьями. Сохранились некоторые рисунки и картины Надежды Владимировны. Бю-

крыле по Мастерской. Парадные комнаты образовывали анфиладу. По краям окон висели тяжелые непрозрачные гардины (они очень пригодились во время войны для затемнения). Паркеты — тоже под стать Зимнему. Амурчики были не только в угловой, но и еще в одной комнате.

В 1929 году половина квар-

ПИСЬМО ИЗ МОСКВЫ

«Лермонтовская» комната

Веч. Ленинград. — 1990. — 20 дек.

та М. Ю. Лермонтова я не помню.

На этом можно было бы и закончить, но мне хочется рассказать еще кое-что о Лермонтовском доме и его обитателях, ибо многие из них были людьми незаурядными.

Купивший его Владимир Николаевич Лермонтов (так писали и произносили эту фамилию, производя ее от предполагаемого предка Лерма, а не от Лермонта) родился в 1796 году. В 1813-м он участвовал в заграничном походе русской армии против Наполеона и отличился, отбив у французов пушки, захваченные ими у пруссаков. За это прусский король вручил ему на поле боя орден «За заслуги». В этом походе Владимир Николаевич был тяжело ранен в ногу. Однако военной службы не бросил и дослужился до генеральских чинов.

Дом был куплен вместе с обстановкой в конце первой трети XIX века. Согласно семейной легенде, строил его подрядчик, участвовавший в строительстве Зимнего дворца (что и видно по внутренней отделке дома). Хозяйская квартира занимала весь второй этаж по проспекту Римского-Корсакова (тогда — Екатерининскому) и по Мастерской до ворот. В крыле по проспекту были парадные комнаты и кухня, а жилые комнаты — в

крыле по Мастерской. Парадные комнаты образовывали анфиладу. По краям окон висели тяжелые непрозрачные гардины (они очень пригодились во время войны для затемнения). Паркеты — тоже под стать Зимнему. Амурчики были не только в угловой, но и еще в одной комнате.

У Владимира Николаевича было несколько детей от первого брака, но все они умерли в детстве. Умерла и его жена (в 1833 году), которую он очень любил. Второй раз он женился нескоро. Лишь в 1845 году у него родился сын Владимир, мой дед. По словам моей матери, он рассказывал ей, что в детстве хотел стать «все — умелкой — делать». Он и стал «всеумелкой». Полвека прослужил он в Петербургском университете, организовал там первый в России физический практикум, наблюдал за строительством здания будущего физического факультета (на Васильевском острове, позади здания — 12 коллегий), Владимир Владимирович умел обрабатывать дерево, металлы, стекло, занимался разнообразными физическими вопросами от фотографического процесса до гальванопластики. За работы по гальванопластике он получил медаль на международной выставке по электричеству в Париже.

Сестра Владимира Владимировича Мария была ботаником. Она дружила с Софией Ковалевской, что не удивительно, ведь тогда в России женщины-ученые были наперечет.

Она хорошо рисовала. Некоторые ее рисунки сохранились.

Сын Владимира Владимировича, тоже Владимир, упоминавшийся Е. Лыжиной, был радиотехником. Он сотрудничал с прародителем электромузыкальных инструментов Терменом. Терменвокс тогда не было, вместо него была перевернутая вверх дном ка-

монтовском доме. Однако ее дочь Ольга, специалист по фарфору, в 1930-х годах жила в нем в пору, когда работала на фарфоровом заводе имени Ломоносова. Затем она уехала в Калинин, где и оставалась во время войны, участвуя в работе советской разведки. Вторая дочь Елизаветы Владимировны Мария, инженер-строитель, жила в этом доме до самой войны и эвакуировалась вместе с институтом Гипробум, в котором работала.

С Лермонтовыми жила их няня Мария Васильевна Савельева, добрейший человек. Она вынянчила два поколения, кончая мною. Все ее любили и давно считали членом семьи. При мне она получала пенсию. Умерла незадолго до войны.

Всего в этой квартире жили перед войной 12 человек. Кроме перечисленных, там жил еще мой отец, физик-теоретик Владимир Александрович Фок, впоследствии лауреат Государственной и Ленинской премий, Герой Социалистического Труда, а также его сестра Юлия с дочерью Татьяной Вячеславовной и внуком Сашей. Она погибла в блокаду, а Татьяна Вячеславовна с сыном едва живые эвакуировались по Ледовой дороге. Здесь же жили моя сестра (по отцу) Наталья и я. Отец с семьей был эвакуирован на самолете 19 сентября 1941 года.

Моя мать была последней из жителей этого дома, кто носил фамилию Лермонтова. Она умерла в 1964 году, оставив воспоминания о семье Лермонтовых и отдельно написанную биографию своей сестры Надежды — художницы.

М. ФОК

* Даты жизни Н. В. Лермонтовой 1835—1941 годы взяты Е. Лыжиной из Лермонтовской энциклопедии, 1981 г., № 184 в схеме родословной.

** Справочники и архивные источники, которыми пользовалась Е. Лыжина, приводят разные даты жизни Е. В. Лермонтовой. Так, Большая Советская Энциклопедия (1973 года издания) пишет: 29.1 (11.2) 1899, Петербург — 9.1.1942, Ленинград. Лермонтовская энциклопедия, 1981 г.: 1887—1922 (родословная Лермонтовых, № 186). Учитывая эти разногласия, Е. Лыжина послала запрос в Центральное адресное бюро Главного управления внутренних дел, откуда получила ответ: «Лермонтова Екатерина Владимировна, 1890—1942».

М. Фок сообщает в письме, что год рождения Е. В. Лермонтовой не 1899, а 1889. У него хранится экземпляр Лермонтовской энциклопедии, в которой рукой двоюродного дяди К. Н. Вендланда исправлены две даты — год смерти Надежды Лермонтовой на апрель 1921 года и дата рождения Екатерины Лермонтовой на 1889 (вместо 1887-го).